

Князь ветра

Леонид Юзефович. Князь ветра

Опережая события, Иван Дмитриевич сказал, что в тот же вечер в руки ему случайно попал черновик доклада, который Зейдлиц накануне готовил для Шувалова. Там, в частности, говорилось:

«Есть основания думать, что начальник сыскной полиции Путилин был в курсе дела. Вероятно, после покушения Каменский искал у него защиты как у доброго знакомого, прототипа своего любимого героя, сыщика Путилова, но Путилин использовал его откровенность в собственных интересах. Уяснив суть вопроса, он тоже стал шантажировать Довгайло. Добившись отступного и понимая, что Каменский теперь опасен для него самого, он, возможно, и спровоцировал Довгайло на преступление. Путилин намекнул ему, что убийство останется нераскрытым. Оно запланировано было на вторник, между 11 и 12 ч. утра. Путилин пометил это на своей визитной карточке, но по неосторожности оставил ее у Каменского, когда в последний раз приходил к нему на квартиру. Иначе сложно объяснить кое-какие странности его поведения, а также то, что в помощники он взял агента Гайпеля, человека, с одной стороны, неопытного, с другой – преданного ему лично...»

– Этот свой доклад, порвав его, Зейдлиц потом выбросил в мусорную корзину, а я незаметно достал обрывки и дома подклеил их, – сказал Иван Дмитриевич. – К концу вечера ему пришлось признать ошибочность своей версии. Хотя кое-что он угадал верно.

– Что, например? – спросил Сафонов.

– Например, то, что Каменский и жена Довгайло состояли в интимных отношениях.

– Да, – покивал Мжельский, – у меня сразу вызвала подозрения та песня с рефреном «я вспоминаю тебя». Похоже было, что эти

слова относятся не к Монголии, а к самой Елене Карловне.

Могильным холодом тянуло сквозь половицы веранды. Прямо за столом Иван Дмитриевич вскипятил на спиртовке кофе, чтобы согреться самому и взбодрить слушателей.

– А на следующий день, при обыске на квартире Довгайло, – продолжал он, – я нашел припрятанную в укромном местечке тетрадь с записками Елены Карловны. Среди прочего там излагались обстоятельства, при которых она познакомилась со своим будущим мужем.

Затем отрывок из ее воспоминаний был если не процитирован, то пересказан близко к тексту и от первого лица:

«Родилась я на Урале, в городе Кунгуре Пермской губернии. Мой отец преподавал маркшейдерское дело в горнозаводском училище, но, когда мне было шесть лет, его за пропаганду сослали в Якутскую область. Там он вскоре умер от пневмонии. В Якутии, говорила мама, вечная мерзлота, наш папочка лежит в земле целый и невредимый, совсем как живой, только мертвый, и так будет лежать миллион лет, пока не растают льды на Северном полюсе. В детстве я представляла его могилу похожей на дворец Снежной королевы или на **Бриллиантовый грот в пещере под Кунгуром.** Эта едва ли не самая большая и загадочная из европейских пещер находилась в получасе ходьбы от нашего дома. Никто не знал, на сколько верст протянулись ее лабиринты, ни один человек не прошел их до конца. Поговаривали, будто конца у них вообще нет. Относительно неплохо известны были только ближайšie к входу коридоры и гроты, в том числе Бриллиантовый. По сводам, отражая пламя факелов, искрились купы льдистых кристаллов, но если постоять подольше или поднять факел повыше, хрусталики быстро таяли, гасли, с мелодичным шорохом срывались вниз, невесомо-звонкими иглами рассыпались на полу, и слезы вдруг подступали к глазам, так странно сочетались вечность и хрупкость в их ломких прозрачных тельцах.

Я слушала эту ледяную музыку сама по себе, мама – вместе с

Петром Францевичем. Он тогда приехал из Петербурга и **все лето прожил в Кунгуре**, пытаясь найти якобы спрятанные в нашей пещере буддийские реликвии. Будто бы они были посланы из Урги в дар Екатерине Великой, **но возле Кунгура** на монголов напали башкиры из отрядов Пугачева, убили их, ограбили, добычу зарыли где-то в пещере да так и не откопали. Местные старики подтверждали эту легенду, но рассказывали ее несколько иначе. По их словам, нападавшие вышли прямо из пещеры, потом вернулись туда с трофеями, и больше их никто никогда не видел. Этот вариант Петру Францевичу нравился почему-то больше. Он нанял троих парней, лазил с ними под землей, вел раскопки, чертил какие-то карты. В то время он был еще молод, весел, беден и, когда у него кончились деньги, стал подрабатывать тем, что водил в пещеру представителей городской интеллигенции или приезжих из Перми и Екатеринбурга. На такие экскурсии мама ходила с ним и брала меня с собой. Их познакомила мамина подруга, у которой Петр Францевич снимал комнату. Начался бурный роман, о чем я узнала позднее, хотя догадывалась уже тогда. Он всерьез увлекся мамой, после отъезда еще с полгода писал ей. Больше они не виделись. Бедная моя мамочка! Она умела отдаваться сердечным бурям, но в глубине души все-таки продолжала считать, что самое прекрасное в любви – это завтрак вдвоем.

Через пятнадцать лет, сгорая от рака, мама лежала без сознания, вдруг лицо ее прояснилось, и она произнесла фразу, поразившую меня несовпадением слов и смысла, выраженного этими словами. «Темно, – сказала она просветленно, тихо и радостно. – Боже мой, как темно!» Я вторые сутки дежурила у ее постели. В то же мгновение у меня закружилась голова, я провалилась в сон, и там, во сне, это была уже не я, а она, мама. Мы с Петром Францевичем стояли в Бриллиантовом гроте, в том месте, где он всегда говорил экскурсантам: «Сейчас, господа, мы потушим факелы, и вы увидите настоящую темноту, не такую, как в запертой комнате без окон или в лесу в безлунную ночь. Там есть крупницы света, просто наш слабый глаз их не различает, а здесь, как во мраке адских пропастей, слепнут и кошка, и

сова...» Погасли факелы, Петр Францевич нашел мои губы, и мы поцеловались в двух шагах от наших ни о чем не подозревающих спутников. В беспросветной тьме он износил семь пар железных башмаков, сорвал с петель медные засовы и» проник в башню, где томилась моя озябшая грудь с бесстыдно набухшим соском. Они на ощупь узнали друг друга и замерли, хотя нельзя было терять ни минуты, в соседней башне ждала еще одна пленница. Он рванулся туда напролом, но бесстрастно звучал его голос: «Башкиры, господа, ранее населявшие территорию Кунгурского уезда, почитали эту пещеру как священное лоно матери-земли, откуда явились в мир их предки. Весной тут совершались языческие игрища, весьма, надо сказать, нескромные...» Влага сочилась по стенам божественного лона. Столетия текли в подземной мгле, как секунды. Мой затвердевший сосок был зажат между пальцами Петра Францевича. Пока, направляемый большим пальцем, он катился по верхней фаланге указательного, от начала подушечки до ногтя, чье прикосновение было как вспышка молнии, надвинулся и отступил ледник, вымерли мамонты, башкиры приняли ислам и сожгли в устье пещеры своих идолов. Снова загорелись факелы. Экскурсанты, отвыкнув от света, жмурились, а мы с Петром Францевичем – нет. В той тьме, где слепнут и кошка, и сова, нам двоим светило солнце, вскоре, увы, потухшее.

Похоронив маму, я вернулась в Петербург на свои акушерские курсы, и буквально в тот же день мне попало на глаза объявление о публичной лекции, которую должен был прочесть Петр Францевич. После лекции я подошла к нему. Он меня не узнал. Я сказала: «Кунгур, пещера...» Он испугался, будто я сказала что-то такое, чего никому не следует знать. Объяснений я не получила ни тогда, ни потом, хотя впоследствии поняла причину его испуга. К тому времени он второй год вдовел, но привычка скрывать от жены свои измены перешла у него в суеверную надежду на то, что, если здесь все будут молчать об этом, его былая неверность останется тайной для нее и на том свете. Впрочем, он быстро овладел собой. Мы поговорили о маме, он проводил меня до дому. Через месяц я вышла за него замуж и на свадьбе впервые увидела Николая Евгеньевича.

Год спустя мы с мужем устраивали у себя вечеринку по случаю какого-то кафедрального юбилея. Николай явился без жены. Было много молодежи, и в конце вечера затеяли играть в «чугунный мост». Со смехом и шуточками гости начали вставать на четвереньки, выстраиваясь в линию, мужчина против женщины. Каждая пара изображала две половинки мостового пролета, которые должны соединиться при помощи поцелуя. Это называлось: всадить винт. В суматохе Николай протиснулся ко мне, мы одновременно опустились на пол, глядя в глаза друг другу, но с поцелуем не спешили. Я торопливо дожевывала то, что было у меня во рту, а нам уже кричали: «Мост рушится! Эй вы, мост рушится!» Пришлось поцеловаться. Он неуклюже ткнулся мне в угол рта своими напряженными губами, и сердце у меня вдруг ухнуло, словно в самом деле висим, сцепившись, над бездной, далеко внизу кипит и пенится ледяная черная река...»

Юзефович Леонид Абрамович (1947) – писатель, автор ряда научных статей по русской и монгольской истории. Как прозаик публикуется с 1947 года: повесть «Обручение с вольностью» в журнале «Урал». В творчестве Юзефовича выделяется цикл романов о дореволюционном сыщике Иване Путилине и серия книг о Гражданской войне на Урале и в Сибири. Отмечен премией «Национальный бестселлер» (2001).

